

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-49

Черная, Лана.

Ч-49 В плену / Лана Черная. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Звезда Рунета).

ISBN 978-5-17-106688-8.

Меня зовут Алиса. И мой муж — монстр. Он богат, жесток и циничен — для него жизнь не стоит и ломаного гроша, особенно чужая.

Он украл у меня любовь. Для него я — игрушка. Но ради спасения отца я готова на все, даже жить в плену у монстра. Вот только иногда мне кажется, что за маской урода и чудовища прячется отчаянно одинокий мужчина...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106688-8.

© Черная Лана, текст
© ООО «Издательство АСТ»

ЗАЧИН

Алиса. Сейчас

Нет ничего лучше контрастного душа после нескольких дней в дороге и бессонной ночи.

Закрутив кран, выбираюсь из ванны, растираю докрасна кожу и закутываюсь в полотенце. Просушиваю светлые, до пояса волосы, расчесываю и скручиваю в косу, отмечая, что мучившая всю ночь головная боль прошла. Осматриваю себя в маленьком зеркале: уставшая, с темными кругами под глазами, со счастливым блеском в больших синих глазах. Увиденное меня устраивает, и я шлепаю на кухню, мечтая об ароматном кофе. Заглядываю в спальню: Антон дрыхнет, с головой накрывшись простыней.

«Смешной», — с улыбкой думаю я. Он и заснул, едва прилег. Шутка ли, почти двое суток за рулем просидел. Но оно того стоило. Мы сумели! Сбежали! И никто не гнался за нами. Никто не пришел следом, хотя я то и дело вздрагивала от каждого звука, отчетливо слышимого через тонкие стенки хру-

щевки. И так и не смогла заснуть. Зато сейчас чувствовала необычайную легкость: все будет хорошо!

Снимаю с себя полотенце, подставляя обнаженное тело игривым лучам солнца. И шагаю в кухню, но застываю на пороге.

Сердце ухает в пятки, ноги подкашиваются и, если бы не дверь, за которую я хватаюсь, — наверняка упала бы. Напротив окна спиной ко мне стоит высокий поджарый мужчина. Черные волосы зачесаны назад, черный костюм идеально сидит на его идеальном теле, такая же черная, матово поблескивающая трость в руках. Идеальный до скрежета зубов и дрожи в коленях. Потому что я знаю, какое чудовище прячется под этим идеалом. Мой муж и мой персональный кошмар.

Как он нашел нас? Мы ведь все проверяли, тщательно заматали следы и были очень внимательны — за нами никто не следил. Я точно уверена в этом! Но тогда как? Как этот человек так быстро нашел меня — и суток не прошло? И легкость, еще минуту назад наполнявшая меня до краев, невидимыми кандалами сковывает по рукам и ногам. И назойливая головная боль долбит виски.

— Набегалась? — тихий голос звучит властно и пугающе. По телу рассыпаются мурашки, и становится невыносимо холодно. Хочется закутаться во что-то, спрятаться с головой, как Антон. При мысли о спящем за стенкой Антоне в животе поселяется страх. Я должна защитить его, предупредить, но ноги словно приросли к полу.

— Ты... — голос подводит меня, звучит жалобно. А так много вопросов вертится на языке. Как долго он здесь? Как попал в квартиру? И главное — зачем ему я?

— У меня слишком мало времени, — он по-прежнему не смотрит на меня. Наверное, так даже лучше, потому что его взгляд я вряд ли вынесу. — Собирайся.

— Нет, — я даже мотаю головой для убедительности. И сама опешиваю от сказанного. Знаю — ему нельзя перечить. Помню, чем это грозит. Но сказанного уже не воротишь. Да и бояться больше нечего.

Он оборачивается. Половину его лица скрывает маска, а на другой — презрительная ухмылка. Я передергиваю плечами. Делаю вдох и на выдохе все-таки спрашиваю:

— Зачем тебе я?

Он молчит недолго. И в его черных, как сама ночь глазах, мелькает что-то странное, едва уловимое. Он подходит ко мне, остановившись настолько близко, что я слышу его дыхание и терпкий запах можжевельника.

— Мы заключили сделку, — холодный, едва слышный ответ. — Не думаю, что твой отец обрадуется, узнав, почему ему придется умереть.

— Ты... — я задыхаюсь собственными слезами. — Ты — монстр, слышишь? И я буду всю жизнь ненавидеть тебя!

Выплюываю в его каменное лицо, чувствуя, как меня бьет крупная дрожь.

А в ответ лишь хриплый смех. И тяжелые шаги. Он больше ничего не говорит. Покидает кухню, уверенный, что я пойду следом. И ему плевать, что на мне нет одежды. Ну что ж. Ладонью вытираю слезы. Мне тоже плевать. Сжимаю кулаки, собирая остатки воли. Бросаю прощальный взгляд на спальню, где остается мое счастье. Проглатываю подступивший к горлу комок. Я всегда понимала, что нам не быть вместе. С тех самых пор, как обручилась с другим. Не знаю, как Антон смог меня простить, но после сегодня уже ничего нельзя будет изменить.

Босая и совершенно голая, я следую за мужем. Пусть ему станет стыдно. И тут же горько усмехаюсь. Этому человеку чужды любые эмоции, кроме презрения и ненависти ко всему живому. И еще, пожалуй, чувства собственника. Он не отдает то, что принадлежит ему. А я — его собственность.

Щербатые ступени обжигают холодом, леденят ступни. Что-то острое хрустит под ногами. Боль вгрызается под кожу, судорогой сводит пальцы. И я едва не падаю на ступенях. Снизу доносятся быстрые шаги, и молодой парень замирает на пролет ниже. Смотрит оценивающе, присвистывает, но натывается на мой взгляд и отшатывается в сторону. А потом и вовсе сбегает. Где-то наверху хлопает дверь. Я оглядываюсь. Тишина растекается по подъезду, давит. Я задыхаюсь, борясь со слезами. Лестница обрывается — ступеней оказывается ничтожно мало. На последней едва не падаю, подво-

рачиваю лодыжку. Закусываю губу, сдерживая крик. Слезы падают на щеки. Но я выпрямляюсь, толкаю подъездную дверь и выхожу на улицу.

Солнце ослепляет, лишает последних сил. Ноги заплетаются, и я падаю в чьи-то руки. Голова кружится, перед глазами расплываются фиолетовые круги. Чей-то хриплый голос о чем-то спрашивает, но в ушах словно вата набита. Я не понимаю, лишь жадно глотаю воду из поднесенной к губам бутылке.

Жара сменяется прохладой салона. Тело окутывает приятное тепло.

Немного придя в себя в машине, понимаю, что закутана в пиджак, отчего-то пахнущий можжевельником. От ненавистного запаха мутит.

А издали доносится короткая фраза:

— Он должен исчезнуть.

Я резко сажусь. В голове разливается звон.

— Марк... Марк... — зову я, придвинувшись к открытой дверце машины. — Марк... — цепляюсь пальцами за белоснежный рукав его рубашки. — Пожалуйста...

Но он стряхивает мою руку, даже не взглянув на меня, и захлопывает дверцу.

Через стекло я наблюдаю, как его охранник, чье имя вылетело из головы, уходит в дом. Он долго не возвращается. Кажется, целую вечность. И сердце гулко стучит в груди.

Марк стоит у машины и курит. И в эти минуты я ненавижу его и себя. Потому что это я убиваю

Антон в это самое мгновение. И вышедший охранник, поправляющий кобуру, подтверждает самое страшное.

Мир выцветает в одночасье. Я кричу, бьюсь ладонями в стекло.

Марк не шевелится. Что-то говорит охраннику, затем водителю, оба кивают. Охранник снова возвращается в дом.

За спиной хлопает дверца. Рядом оказывается Марк.

Я набрасываюсь на него, проклиная и молотя кулаками. Он не отстраняется, и я замечаю, как из разбитой губы сочится кровь. Но мне все равно, я бью наугад. Хочется лишь одного — убить этого монстра, только что укравшего целую жизнь. Но Марк перехватывает мои запястья, сжимает, заводит за спину. Я вырываюсь, шипя и рыча. Кусаю его за руку. Пощечина приводит в чувства. Я всхлипываю. Марк отпускает меня. Я зарываюсь лицом в ладони, ощущая, как щека наливается красным.

— Поехали уже, — рычит Марк водителю.

Машина трогается с места, а я падаю на сиденье, не сдерживая рыданий.

ЧАСТЬ 1

Алиса. Раньше

Я вышла на крыльцо больницы, задрала голову и зажмурилась, подставляя лицо теплему весеннему солнцу. Сбежала, как только появилась возможность. Так и не перестала бояться больниц. Рядом проехала машина. Повернулась на звук: белый с зелеными полосами фургон затормозил у самого крыльца. Из него выбрались двое в бронежилетах, направились к банкомату. Я проводила их взглядом. Жаль, что у меня нет знакомого банкира — попросила бы денег. Не банк же грабить, в самом деле? А деньги нужно искать быстро. Врач сказал, счет идет на часы. Операция папе нужна срочно. А если не будет денег, не будет и операции. Логика проста как дважды два. Вот только вариантов — мизер, да и те никудышные.

Спустилась по ступеням, прошла по аллее, села на свободную лавочку под кленом — подумать.

Вариантов раздобыть сумму на операцию в кратчайшие сроки немного.

Первый и самый очевидный — продать все, что можно продать. А единственное, что я имела, — добротный дом за городом, где мы жили с папой. Антон сможет сделать это очень быстро. Надо ему позвонить. Выудила из кармана телефон. На дисплее высветились пропущенные вызовы, аж пятнадцать штук. И все от Катьки. Перезвоню позже. Набрала Антона. Недоступен. Набрала снова — та же история. Странно. Он всегда был на связи. Работая страховым агентом, он был очень обязателен и всегда следил, чтобы до него можно было дозвониться. Снова набрала номер. Безрезультатно. Включила автодозвон. Я не знаю, сколько это продолжалось, но механический голос робота уже вьелся в мозги, а я все пыталась дозвониться. И от ожидания и нудного голоса начинало покалывать в висках — верный признак разгорающейся мигрени. Достала из сумочки бутылку минералки и обезболивающие, выпила сразу две таблетки, чтоб наверняка. Перезвонила на работу, взяла пару отгулов, выслушала сочувственные речи директрисы Ирины Вацлавовны, пообещавшей любую посильную помощь, поблагодарила и отключилась, чувствуя, как в затылке свинцом наливается раскаленный шарик мигрени. Поморщилась, отчетливо понимая, что таблетки уже не помогут. Вздохнула, набирая еще один номер. На завтра у меня было запланировано прослушивание для детского конкурса, где из трех талантливых учениц нужно выбрать одну. Но

я понимала, что не сумею сейчас заниматься чем-то, кроме поиска денег для папы. Просить провести прослушивание чопорную приверженку классики во всем, даже в серых скучных костюмах, Изольду Марковну означало потратить полчаса на грубую лесть, хваля не только ее талант пианистки (а играла она на рояле божественно), но и методы ее преподавания: жесткие и местами деспотические, — и бросить моих девчонок на растерзание «злюке-клюке», как дразнили ее мои ученики. Но другого выбора не было — лучшего профессионала мне не сыскать. Поэтому, когда я распрощалась со «злюкой-клюкой», свинцовый шарик в затылке разросся до размеров увесистого булыжника. И отчаянно хотелось засунуть голову в чан со льдом и ни о чем не думать. Но пришлось. О папе, который едва не умер за своими изобретениями. И если бы не тетя Аня, заглянувшая на полуденный чай, сейчас уже некого было бы спасать. О деньгах, которые я абсолютно не представляла, где искать. Об Антоне, так не вовремя пропавшем, что даже по телефону поговорить не было никакой возможности. Тот оставался вне зоны, хотя я снова и снова набирала выученный наизусть номер. Поэтому, когда затрещонил телефон, я невольно дернулась, едва не выпустив трубку. И тут же поморщилась от резанувшей по вискам боли.

Посидела недолго, зажмурившись, и, только когда шторм в голове немного утихомирился, отве-

тила, на сто процентов уверенная, что звонит именно Антон.

— Антон, слава богу, — выдохнула, в своей уверенности даже не глянув на дисплей. — Как ты?

— Я хорошо, — прозвучал в трубке голос подруги.

— Катька? — посмотрела на дисплей: точно, ее имя.

— С утра Антоном точно не стала, — фыркнула подруга. — А что с ним, кстати?

— Дозвониться не могу, — ответила. Плохое предчувствие не давало покоя, звенело в висках. — Никогда раньше такого не было.

— Все когда-то бывает в первый раз, — мрачно заключила подруга. — В случае с Антоном, так вообще поразительно, что он так долго продержался.

— Катька, ты чего? — удивилась я. — Ты что-то знаешь? — спросила с подозрением.

— Да ничего я не знаю, — отмахнулась подруга. И тут же добавила: — Мне тетя Аня звонила. Сама-то чего не набрала, а?

Я не ответила.

— Как папа?

— Ох, Катя, — вздохнула, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. — Все очень плохо.

И я пересказала подруге разговор с врачом. Та выслушала внимательно, не перебивая. Как и мое решение продать дом.

— И дальше что? — укорила она. — Продашь ты дом. Жить где будешь?

— Квартиру сниму, — парировала я.

— А отца куда потом приведешь? В съемную квартиру? Или ты хочешь, чтобы его после операции снова инфаркт хватил? Он когда узнает, что ты дом продала, сляжет тут же. Как будто ты дядю Борю не знаешь, честное слово.

Катька была отчасти права. Папа сам дом строил, всю душу в него вложил. Да и сад яблоневый, посаженный возле дома, он любил. Каждое деревце. Ухаживал, как за девушкой. Говорил, что яблоньки ему о маме напоминают.

— Так, а что делать?

— Есть у меня одна мыслишка. Без твоего Анто-на справимся, — мое возмущение подруга проигнорировала. — Ты где сейчас? В больнице?

— Угу.

— Сиди на месте и жди меня. И не смей там реветь сейчас, — прикрикнула, когда я шмыгнула носом. — Держи нос по ветру, подруга. Все будет хорошо.

Через час мы уже сидели на Катькиной кухне и обсуждали план поиска денег. Все мои идеи подруга лихо отмела и теперь крутила бокал вина. Я знала этот ее потерянный взгляд — что-то задумала. А я вертела золотую визитку, всученную мне случайным знакомым в больнице. Кажется, его звали Андреем. Впрочем, я могла ошибаться. Красивая визитка, дорогая. И Катька ее заприметила еще в машине, но тогда промолчала.

— У шеста решила поплясать? — спросила она задумчиво.

Я непонимающе уставилась на нее. Она усмехнулась.

— Визитка приметная. Золотая с красным пауком, — я глянула на кусочек пластика, рисунок совпадал. — Такие только у владельца клубов Криса Ямпольского. Жуткий тип.

— Почему?

— Да так, — неопределенно ответила подруга, но развивать тему не стала.

И снова уставилась на вино в бокале.

— Кать, — позвала я. — Ты чего зависла?

— Есть у меня идея, — она залпом осушила бокал, налила еще.

— Это ты уже говорила. А может все-таки у Антона попросить?

— Откуда у простого страховщика пятьсот штук баксов?

Я пожала плечами. Да, Антон не был миллионером и ездил на стареньком «Шевроле», но он вращался в элитных кругах, страховал крупные компании и заводы и имел кучу влиятельных и небедных знакомых. Кстати, Антон до сих пор не перезвонил. А прошло уже больше двух часов. И телефон по-прежнему вне зоны. Я вздохнула, отгоняя плохие мысли.

— А у тебя? — и глянула выжидающе.

— Я могу продать салон, — спокойно, даже несколько равнодушно предлагала подруга. — Квартиру или машину. Это не проблема, — отмахнулась от моего протеста. — Но дело это не

быстрое. Как, собственно, и продажа твоего дома. А деньги нужны очень быстро, как я понимаю? Кредит мне не дадут, висит один уже, — задумчиво объясняла она.

— А где папа деньги взял тогда, когда я в коме лежала, — не помнишь?

— Понятия не имею, — пожала плечами Катька.

— А если...

Я махнула визиткой. Подруга выхватила ее из пальцев и сунула в бокал, скривившись, будто лимон зажевала.

— И ты полагаешь, он даст такую сумму незнакомой девице за красивые глазки? Если еще даст. И не факт, что этот... даритель... вообще имеет какой-то вес в делах Ямпольского. Да и что ты можешь ему предложить? Разве что собственную душу, если возьмет, — и мрачно улыбнулась.

Я отрицательно замотала головой, смутно подозревая, что Катька так странно шутит.

— Так что Ямпольский — не наш вариант. По крайней мере этот.

— Что значит «этот»? — встрепелась я, чую подвох.

— Сейчас узнаешь. А то маешься со своим Антошей. Взглянуть на тебя страшно: похудела, осунулась, пашешь сутками, а отдачи — ноль. Дай тебе волю, и ночевать будешь в своей музыкалке. А ведь какая девушка, — она подмигнула мне. — Спортсменка, комсомолка и просто красавица, — улы-

баясь, скопировала фразу из знаменитого фильма, — да и своих спиногрызов уже пора заводить.

— Кать, ты чего? — возмутилась я. — Ты опять? Какое пристроить? У меня есть Антон.

— И где твой Антон? — она заглянула под стол. — Антон, ау! Нету. А у меня есть отличный вариант.

С некоторых пор подруга моя загорелась идеей выдать меня замуж, при этом совершенно сбросив со счетов, что вообще-то у меня есть любимый мужчина. И бросать его я не намерена. Но она упорно гнула свое, с особой тщательностью подыскивая мне женихов. Мы не раз ссорились по этому поводу. Доходило до слез и хлопанья дверьми. Но Катька не отступала, и я смирилась с ее причудами. Все равно никакого жениха мне не надо, кроме Антона. Но за это время я уже тысячу раз пожалела, что в универе подала ей идею открыть брачное агентство, когда она лихо сосватала мне Антона, тогда самого популярного парня на курсе. Она открыла, а я теперь страдала.

— Судя по твоей довольной физиономии, не иначе как сам принц Уэльский за женой к тебе приехал, — фыркнула я.

— Круче, — она щелкнула меня по носу. — Сейчас все узнаешь. Один момент, — и вылетела из кухни.

— Между прочим, с Антоном ты меня свела! — предприняла я попытку осадить ее рвение.

— Не напоминай мне о самом ужасном дне моей жизни, — вернувшись, простонала Катька,